

Оглавление

Часть первая — Начало	7
Улица Горького, 8	14
Дед	21
Нетерпимость	35
Отец	40
Мама	45
Антиподы	51
Музыка	56
Зависть	63
Удар наотмашь	70
Часть вторая — Взросление	75
Эволюция	75
Эротические удовольствия	83
Кончаловка	90
Мастер	94
«Националь»	101
Русская дружба	104
Тарковский	107
Венеция	113
Гена	117
Ревность	119
Самоконтроль	129
Мои идолы	133
Никита	143

Власть _____	153
Княжна Гагарина _____	160
Маэстро! _____	167

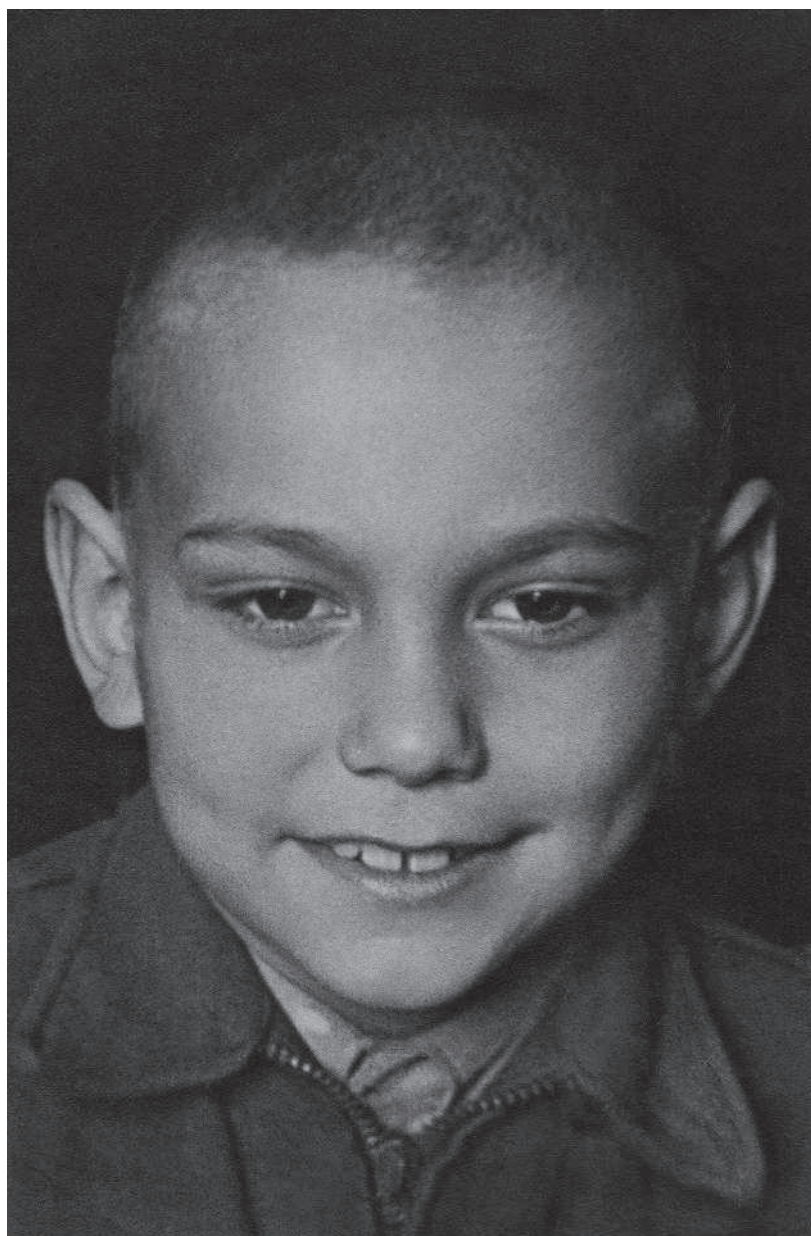
Часть третья — «Частное лицо» _____ 173

Зарубежные каникулы _____	173
Мое открытие Америки _____	184
Бунюэль _____	195
Брук _____	199
Лив _____	201
Русский любовник _____	209
Настасья _____	225
Снимаю американское кино _____	228
Евреи, приносящие плохие новости _____	231
Что в глубине? _____	238
Куросава, Фудзияма, суши _____	244
Уайльдер _____	247

Часть четвертая — Финальный срез _____ 253

Блокбастер _____	253
Брандо _____	299
Мужчины, женщины, любовь, смерть _____	317
О пользе интеллектуального онанизма _____	330
Россия и религия _____	336
Эпоха самозванства _____	345
Страх Божий или страх кесарев? _____	357
Печальные размышления _____	371

Именной указатель _____ 380

Начало

часть первая

«Я бы желал, чтобы отец мой или мать, а то и оба они вместе — ведь обязанность эта лежала одинаково на них обоих, — поразмыслили над тем, что они делают, в то время, когда они меня зачинали. Если бы они должным образом подумали, сколь многое зависит от того, чем они тогда были заняты, — и что дело тут не только в произведении на свет разумного существа, но что, по всей вероятности, его счастливое телосложение и темперамент, быть может, его дарования и самый склад его ума — и даже, почем знать, судьба всего его рода — определяются их собственной натурой и самочувствием — если бы они, должным образом все это взвесив и обдумав, соответственно поступили, — то, я твердо убежден, я занимал бы совсем иное положение в свете, чем то, в котором читатель, вероятно, меня увидит... Но я был зачат и родился на горе себе...»

Это из английской классики. XVIII век. Лоренс Стерн. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Продолжая размышления этого неглупого автора, замечу, что если б отец мой и мать в аналогичный момент поразмыслили, в каком году они собираются произвести меня на свет, то, не исключая, от своего намерения бы отказались. В свою очередь и я, если бы знал, что зачинаюсь, и знал, каким будет 1937 год, в котором мне предстоит родиться, и если б к тому

же имел возможность выбирать, появляться или не появляться на свет, то, скорее всего, предпочел бы последнее — от ужаса перед грядущим. Это было бы логично. Но пути Господни неисповедимы. Родившись в год самого страшного сталинского террора и прожив достаточное количество лет, могу сказать, что мне повезло появиться на свет. Немалая часть этого везения — семья, в которой я родился, по линии матери в особенности, да и по линии отца тоже.

Об этом своем везении я и собираюсь рассказать в этой книге. И собираюсь сделать это со всей возможной правдивостью. Да, не всегда и не обо всем можно сказать правду, но всегда можно избежать лжи. Лжи в этой книге нет. Во всяком случае, я думаю, что ее нет. Мне этого достаточно.

Итак, о чем я буду писать здесь? О себе. О людях, с которыми встречался. О фильмах, которые снимал. О поступках, которые совершал или не совершал. О мыслях, которые передумал.

«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — сказал Александр Сергеевич Пушкин. Что же такое — «низкие истины»?

Они — то, что о себе знаешь, но что знать, а тем более от других слышать, неприятно. То, что от себя гонишь. То, что требует задумываться, заставляет почувствовать себя неудобно. А в целом — расти. Возвышающий обман не способствует росту. «Курочка Ряба» — фильм о «низких истинах». Думаю, поэтому многие ее не принимают.

Почему не принимали Чаадаева, почему его объявляли сумасшедшим? Иные и сегодня его категорически отрицают. Хотя он был во многом прав. Но он говорил о «низких истинах», которые вызывали чувство дискомфорта, о которых не принято было говорить. Никого еще не сажали в сумасшедший дом за «возвышающий обман». А за «низкие истины» пострадало достаточно. Как правило, именно за них.

И так не только в России — никому в мире не нужна пугающая правда. Она нужна, чтобы ее скрывать. Чтобы ее знали

немногие и не допускали до нее остальных. Что такое, как не сокрытие правды, «политическая корректность»? Сейчас этот термин очень в ходу, особенно на Западе. Подразумевается, что есть вещи, о которых вслух лучше не говорить. О расах, о том, что не все равны, что братства не было, нет и не будет. Известно, например, что часть исследований по физиологии и психологии разных рас запрещены к публикации, ибо приводят к политически некорректным выводам.

Иногда политическая корректность — это умалчивание истины. Ведь очевидно, что демократия в России сродни демократии в Заире или Эфиопии, но все продолжают говорить о демократических выборах.

Я прочитал когда-то: ничто на свете не имеет никакого другого смысла, кроме того, который вы сами вкладываете. Мысль эта — одна из тех, которые позволяют мне не только черпать энергию в моменты неудач, но и оправдывать себя, хотя надо признать, что она исключает понятие морали и тем самым достаточно безжалостна к общепринятой системе ценностей.

Что такое любовь и почему она не вечна? Сколько раз казалось, что ты нашел именно то, что искал, что было так тебе необходимо! Сколько раз ты был уверен, что это уже навсегда! А потом вдруг приходило ощущение, что все кончено. Ладно любовь к женщине! Возьмите любовь к друзьям. Кажется, не разольешь водой. Так почему ж и это кончается? Не потому ли, что меняется смысл отношений, а смысл им даете вы сами? С друзьями особенно сложно. В моей жизни не раз случалось так, что я оставался совершенно один.

Поражение может казаться катастрофой, а через два года вспоминаешь о нем как о великом счастье. Странная вещь — человеческая натура! Она вся из контрастов, из противоположностей. Кажется, все ясно: я люблю. А оказывается, точнее сказать — люблю и ненавижу. Счастливы люди, не знающие взаимоотрицающих полюсов!

Мое ощущение мира делится на ряд периодов, в которые я исповедовал радикально отличные друг от друга ис-

тины. Истины, которые в тот момент казались незыблемыми. Первый, еще детский, исходил из того, что все идет как надо. Во втором, начавшемся с десталинизации, хрущевской оттепели, открылось, что не все так, как казалось и как мы о том думали. Многие вещи стали подвергаться сомнению, истина стала казаться относительной. Очень серьезную роль во всем этом сыграла книга Дмитрия Кончаловского «Пути России», о ней речь впереди. Этот же период включает в себя и ВГИК, и дружбу с Андреем Тарковским, и работу с ним. Попутно шло набирание опыта, расширение горизонтов, обретение новых истин, убеждений, новой философии, приобщение к религии, до того казавшейся скучной.

А потом настали годы вне России, все в моей жизни перевернулось, хотя, как ни странно, именно в это время к России я был более, чем когда-либо, близок и более, чем когда-либо, по-православному религиозен.

Вся Россия для меня тогда сконцентрировалась в иконке Андрея Первозванного, принадлежавшей еще Василию Ивановичу Сурикову. Она была в черном кожаном чехольчике, мама сшила его своими руками — любила все делать сама. Она дала мне эту иконку, и с тех пор та всегда со мной. Еще мама дала мне молитвослов и свою фотографию. Эти вещи тоже всегда были со мной: кладя их на ночь у изголовья, я чувствовал себя дома. От них, мне казалось, исходила какая-то неведомая энергетическая сила, очень много мне дававшая, особенно тогда, когда было плохо.

А потом настал новый период: случилось то, о чем прежде и не мечталось. Помню, видя Горбачева в Америке, я не мог сдержать слез восторга и гордости. Теперь можно было уже не стыдиться за свою страну. Человек из коммунистической России не мог жить в Америке иначе как с чувством стыда. Невозможно объяснить американцам, что такое Россия и что она далеко не во всем так плоха, как они привыкли думать. Стоит только начать разговор о чем-то подобном, сразу же подозрение, что ты — агент КГБ. Обо мне даже

было несколько статей в русской эмигрантской прессе, прямо заявлявших, что я заслан в Америку со специальным заданием. Мне это очень мешало найти работу, начать снимать. Было до отчаяния обидно, закипали слезы бессилия. Казалось, ярлык агента КГБ от меня уже никогда не отклеится. Правда, несколько лет назад в Москве были опубликованы списки тех, кто находился под пристальным наблюдением этой могучей организации, — не обошлось там и без моей фамилии, но на эту публикацию никто и внимания не обратил. Кого сейчас все это волнует! Но в Голливуде-то мне приходилось жить с этим мало украшающим ярлыком! Как могли меня воспринимать американцы? Я был сыном автора Государственного гимна, председателя Союза писателей, депутата Верховного Совета СССР и Российской Федерации, куда, ясно же, не выбирали, а назначали. Диссидентством я не отличался, Россию не ругал. Не ругаю ее и теперь, когда все разрешено. Не ругал ее и в «Курочке Рябе», хотя кому-то очень хочется представить дело именно таким образом.

А следом за перестройкой снова пришла пора перемен, и опять начались сомнения по всем пунктам. Когда в церкви видишь столько лиц, еще вчера усердствовавших в угождении коммунистической власти, трудно счесть этих людей верующими. Моей вере они, естественно, не мешают, но и не то чтобы ей способствуют. Пора мистицизма в моей душе прошла, настала пора серьезных сомнений относительно устройства мира, обоснованности религий, присутствия Бога. В чем-то я завидую своему брату, у которого ясность в голове и душе, твердая непоколебимая философия, дающая покой и уверенность.

Последние его ленты пользуются гораздо большим успехом, чем мои. Они поднимают человека, внушают ему светлые чувства. У меня тяга к светлым чувствам, начиная с «Поезда-беглеца», все слабее. Я по-прежнему искренен в своих картинах, хотя теперь они заметно менее оптимистичны.

Неважно, прав или не прав Никита в своей обретенной истине, но она дает ему основу для дела, которое он делает. Замечательно иметь ясные идеалы и ценности! У меня их нет. Идеалы размыты.

Если всерьез задуматься, человеком движет страх смерти и тщеславие. Но тщеславие есть тоже выражение страха: хочется быть заметным, хочется, чтобы на тебя обратили внимание, не подумали плохо, стали думать лучше, чем прежде. Страшно, если не подумают лучше.

Для чего я пишу эту книгу? Для того, чтобы познать правду о самом себе? Но нужна ли человеку правда о себе? Обман приятнее. Он утешает, возвышает.

Если задуматься, то и книга эта сама по себе — в какой-то мере тщеславие. Если хоть немного заглянуть в глубину самого себя, это так. Правильно говорит индийский философ Кришнамурти: жизнь, если вглядеться попристальнее внутрь самого себя, — это пустота. Если приглядеться повнимательнее — мы внутри себя пусты. Но зачем-то мы все-таки сотворены. Как понять — зачем?

У каждого из нас несколько разных форм существования. Одна — на службе, другая — в семье, третья — на отдыхе, четвертая — в туалете. Всюду свой стереотип. Что хорошего, если человек на улице ведет себя как в туалете? Но вот ты наедине с собой и подчас очень хочется от себя бежать. Не ловили ли вы себя на том, что страшно задуматься, кто ты есть на самом деле? И не дай Бог узнать. И уж вовсе не дай Бог, если кто-то посторонний узнает.

Но мы таковы, каковы есть. Нет меня другого, есть я. Значит, надо себя любить. И уж если, паче чаяния, себя не любишь, не стоит мешать другим любить себя.

Нельзя ненавидеть себя и любить человечество. Не зря сказано в Евангелии: возлюби ближнего, как самого себя. Значит, сначала возлюби себя, потом уже ближнего.

Любовь к самому себе я начал испытывать достаточно рано. Сначала это была как бы даже и не любовь, а просто

биологическая потребность так себя ощущать. Эгоизм — только ли человеку присущ он? А животные? Они эгоистичны? Кто более эгоистичен: ребенок или взрослый? Наверное, ребенок, ведь для него, кроме него самого, в мире ничего не существует. А кто хуже — ребенок или взрослый? Наверное, все же не ребенок: он невинен. Но что же тогда получается? Выходит, эгоистичный ребенок лучше взрослого, который, может быть, даже альтруистичен. Что же тогда хорошо и что плохо?

Есть вопросы, на которые нет ответа. Но задавать их себе все же не лишне. Даже если, в конце концов, они приводят тебя к полнейшей самоиндульгенции. Самопрощение — прибежище эгоистов.

Кому хочется рассказывать о себе плохо? Зачем другим знать об этом? Говорят о себе плохое либо люди отчаявшиеся, либо обаянные великой гордыней. Но и эта высшая гордыня идет от себялюбия.

Любовь к своему телу — тоже проявление себялюбия, хотя и оно вовсе не лишено рационального зерна. Занимаешься спортом — укрепляешь организм.

Помню свой разговор с Занусси. Я сказал ему:

— Что это ты — то занимаешься спортом, то не занимаешься? Надо же поддерживать форму.

— Знаешь, тело — не очень-то это важно, мне интереснее другое.

Он имел в виду духовное совершенствование и как бы даже устыдил меня низменностью моей заботы о своем здоровье. А я, презренный, занимаюсь спортом, принимаю витамины, читаю литературу о том, что хорошо и что плохо в еде. Говорят, занятие спортом — особый плод разума. Почему надо заботиться о себе? Ну конечно же, из любви к себе. И еще — из любви к жизни. Потому что я есть выражение жизни. Я забочусь о своем здоровье, чтобы дожить до счастья.

У китайцев есть мудрая пословица: «Нужно умереть молодым и постараться сделать это как можно позже».

Улица Горького, 8

У Никитских ворот, в доме, где Кинотеатр повторного фильма и фотоателье, была шашлычная. В фотоателье я снимался на паспорт, в кинотеатре смотрел старые фильмы, в шашлычной портил свою печень на ворованные у родителей деньги. Деньги, впрочем, были не всегда ворованные. Иногда были и заработанные.

Шашлычная на Никитской долгие годы была центром пересечения всех моих маршрутов. В детстве я ездил мимо из сто десятой школы на трамвае домой. Провожатым моим был сын певицы Пантофель-Нечецкой, она жила в соседней квартире.

Первые мои годы прошли в доме № 6 на улице Горького. После войны был построен дом № 8, мы переселились в него. В этом доме жили лауреаты Сталинских премий, жили уцелевшие после довоенных сталинских чисток и жертвы чисток грядущих. Жил очень крупный дипломат, еще литвинской школы, прокурор, потом посол в Англии Майский. Жил Борис Горбатов со своей женой Татьяной Окуневской и дочерью Ингой. Про Ингу во дворе ходили слухи, что на самом деле она дочь Тито. Жил Илья Эренбург; помню его, приезжающего на своей американской машине. Из машины нырял сразу в подъезд, в свою квартиру — писать статьи. У него всегда было угрюмое лицо; думаю, он не очень любил социалистическую действительность, настоящая его жизнь была где-то ТАМ, в Европе.

Мы жили на пятом этаже. У нас была трехкомнатная квартира, вещь по тем временам почти нереальная. Правда, и нас уже было немало: папа, мама, трое детей, няня-испанка, из коммунистов-испанцев. В нашем подъезде жил Хмелёв. Он был женат на Ляле Чёрной, знаменитой актрисе из цыганского театра «Ромэн». Она любила веселье, чуть не каждый вечер у них собирался целый цыганский хор, на весь

подъезд неслось пение. Напротив Хмелёва жил дирижер Большого театра Позовский. В соседнем подъезде жили генерал армии Черняховский, секретарь МК Красавченко, впоследствии, после падения с горкомовских высот, заведовавший кафедрой марксизма во ВГИКе.

Геловани жил в квартире, выходившей окнами на Советскую площадь — напротив «Арагви». К обеду он выходил на балкон, кричал: «Резо!» Из дверей ресторана выглядывал швейцар. «Накрывай!» Ему накрывали стол. Геловани шествовал обедать. С «Арагви» спустя время я тоже познакомился поближе — Михалковыми разных поколений там было выпито достаточно вина и водки.

Году в 47-м мы с отцом как-то зашли к Геловани. Увиденное надолго запомнилось. Он лежал на диване в пустой комнате, вдоль стены на полу стояло несколько десятков пустых коньячных бутылок... Пустая комната, пустые бутылки... Странное ощущение. По дому ходили слухи, что, увидев себя в исполнении Геловани, Сталин сказал: «Не знал, что я такой красивый и такой глупый».

Через стену было слышно, как поет Пантофель-Нечецкая. Она пела ровным голосом, без вибрации. «Ну вот, поехали на речном трамвае», — говорила мама, когда та начинала свои вокализы.

Не скажу, что у нас была образцовая семья. Нас воспитывала мама — и била нас, и целовала, но все равно занималась не очень. Она писала, была поглощена творчеством, папа витал где-то в начальственных высотах, заседал. Естественно, я смутно представлял, чем он занят, да и время то помню смутно. Помню отца в военной форме, помню его скрипящие сапоги, запах кожаной летной куртки с молниями.

Был случай, когда отцу звонил Сталин — по поводу гимна, сказал, что нужно дописать еще куплет про Красную Армию. Я этого не помню, да меня при этом и не было. Но помню, как в 43-м году позвонили из Кремля. Отец в тот момент мылся в ванной, а я ездил по квартире на трехколесном ве-

лосипеде. Квартира была двухкомнатная (тогда мы еще жили в доме № 6 по улице Горького), но для моей езды места хватало. Зазвонил телефон, стоявший на тумбочке-этажерке. Мама сняла трубку, потом пошла к ванной.

— Сережа, тебя к телефону.

— Я моюсь, пускай перезвонят.

— Подойди.

Отец вышел абсолютно голый, весь в пене, прошлепал к телефону. Голого отца, расхаживающего по квартире, я никогда не видел: это меня поразило — наверное, потому и запомнилось. Он стоял около тумбочки, под ним от сползающей пены растекалась лужа. Не возьмусь воспроизвести, что говорил отец, но что-то в памяти осталось — мне все-таки было уже шесть лет.

— Меня вызывают в Кремль. Быстро — собираться!

Мама принялась гладить рубашку, чистить гимнастерку, мне отец поручил сапоги. Как сейчас, вижу себя сидящим на полу и намазывающим их ваксой — сверху донизу, включая подошвы. Старался изо всех сил. Так старался, что заработал подзатыльник. Других новых сапог у отца не было, на высокие государственные этажи пришлось ехать в старых.

К нам в гости приходил Вейланд Родд, негр, актер, много снимавшийся в наших фильмах из «той» жизни. С мамой они говорили по-английски (к маме вообще тянулись люди, говорившие по-английски, она переводила с английского поэзию). Я в первый раз увидел черного человека, страшно испугался, заорал, спрятался — знаю это со слов мамы.

Если посмотреть на этот мир не с моей точки зрения, а с какой-то по возможности объективной, попытаться выразить происходящее вокруг в телеграфной сводке, картина получится занимательнейшая.

1947 год. Железный занавес. Начало антикосмополитской кампании. Журналы, газеты полны антисемитских карикатур, клеймят предателей, безродных отщепенцев, обличают на собраниях, сажают, ссылают. В январе 1948-го убит Михоэлс.